ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Г. В. Андреевский

МОСКВА

ЖИЗНЬ МОСКВЫ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ · 2022

УДК 94(470-25)“654”
ББК 63.3(2-2Москва)53
А 65

Издание второе

Серийное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА

За помощь в написании книг о Москве, вышедших в данной серии, автор и издательство благодарят:
Киру Владимировну Истомину, Бориса Владимировича Ромашова, Валерия Васильевича Панафидина, Татьяну Михайловну Бобылёву, Гива Гасеновича Лахути, Георгия Петровича Михайловского, Эдуарда Ксаверьевича Саулевича и директора Педагогического архива Сергея Васильевича Степанова.

знак информационной продукции **16+**

ISBN 978-5-235-04569-9

© Андреевский Г. В., 2009, 2022
© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2009, 2022

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Ложь ныне настолько распространена, что грядущие поколения смогут доверять только тем историкам, которые были современниками описываемых ими событий.

Стендаль. Воспоминания
о Наполеоне

Что может быть скучнее повседневной жизни? В самом деле, само слово «повседневность» олицетворяет скуку, рутину и однообразие... Тоска. А ведь мы, чёрт возьми, читали книжки, ходили в кино и видели другую жизнь, полную страстей и приключений. Представляя себя участниками великих событий, мы казались себе людьми более значительными, чем были на самом деле. К тому же после любых, самых кровавых сражений в наших мечтах мы всегда оставались живы. А какими умными и всезнающими предстали бы мы перед нашими предками, очутись вдруг в далёком прошлом! Нас, возможно, повесили бы или сожгли на костре, как еретиков, но потом непременно бы записали в пророки.

Но что толку в этих фантазиях? Они не открывают никаких тайн, не обогащают знаниями, не радуют новизной открытий. Однако таковыми достоинствами обладает литература. Именно она является лучшим способом путешествия в прошлое. Мы можем представить и даже зарисовать пейзаж, описанный Тургеневым в одном из своих романов. Да что там пейзаж... Благода-

ря литературе мы в своём воображении можем видеть всю жизнь давно минувших дней, а если надо, извлечь из книги цитатку, выковырив её из текста, как изюм из теста калорийной булочки. Из сказки В. Ф. Одоевского «Игоша» мне, например, удалось извлечь такую: «Ночью, едва нянюшка загнула в свинец свои пукли, надела коленкоровый чепчик, белую канифасную кофту, пригладила виски свечным огарком, покурила ладаном и захрапела, я прыг с постели...» Не будь этой фразы, откуда бы мы узнали, что делали в середине XIX века в России некоторые пожилые женщины, укладываясь спать. Да вообще, что бы мы могли знать о таких мелочах жизни позапрошлого века, если бы не господа сочинители?!

Но не только цитаты и мелочи жизни преподносила и преподносит нам литература. Она формулирует основные вопросы времени, она стремится к тому, чтобы осознать и растолковать людям наше место в мире, к тому, чтобы трезво оценить поступки своей страны, поведение её граждан, то есть наши с вами поступки. Одним из главных достоинств литературы является то, что она не имеет ничего общего с указаниями начальства. Она не повелевает и не угрожает. Она лишь предлагает, а твоё дело — соглашаться с ней или нет. Есть в русской литературе два романа: «Что делать?» и «Кто виноват?». Мы же возвели их названия в главные русские вопросы. Почему — непонятно. Если даже эти вопросы и занимают нас, то не больше, чем французов и португальцев. Не задаются же англичане вопросом «Быть или не быть?», а поляки «Камо грядеши?» больше, чем другие народы.

В своей непредвзятости и открытости наши классики порой доходили до откровений и пророчеств, сбывшихся вопреки всей, казалось бы, их абсурдности.

Ну мог ли француз начала XIX века предвидеть то, что проблемой для его страны, да и для всей Западной Европы, спустя 200 лет станет ислам. Предвидеть это смог только наш гениальный писатель Николай Васильевич Гоголь. Если мы откроем его «Записки сумасшедшего», то узнаем о том, что в Петербурге какой-то неизвестный цирюльник, живший на Гороховой улице (в советское время она называлась улицей Дзержинского), вместе с одной повивальной бабкой решил по всему

свету распространить магометанство. А примером ему в этом послужила Франция, где, по мнению Аксентия Ивановича Поприщина — автора этих записок, большая часть народа признаёт веру Магомета. И случилось это не тогда, когда жил Гоголь, а в наше с вами время, господа! Если кто сомневается, может сам открыть «Записки», которые строго датированы, и убедиться в этом. Та самая записка, в которой сообщается о замыслах цирюльника и повивальной бабки, датирована 86 мартобрём, или 25 мая по-нашему (если начинать счёт дням с 1 марта), без указания года, зато предыдущая запись, внесённая, по всей вероятности, за несколько дней до неё, датирована 43 апреля 2000 года, следовательно, 13 мая! Никакого другого года, кроме двухтысячного, кстати, ни на одной из записок Аксентия Ивановича вы не увидите. Стало быть, речь в них идёт о нашем времени и большое число мусульман во Франции совсем не вымысел воспалённой фантазии гоголевского сумасшедшего, а самая что ни на есть реальность.

Аналитики и прогнозисты в Западной Европе высказывали о России не столь смелые и даже весьма туманные предположения. Автор одной из книг, вышедших в середине XIX века, красочно расписав явно изменившиеся под влиянием технического и социального прогресса условия жизни европейцев, упонянул о том, что из списка стран, познавших прогресс, «следует исключить Россию, которая так отличается от остальных национальностей, что невозможно предвидеть, каковы будут её успехи в течение столетия». Правда, после этого, чтобы успокоить русских, а вернее, европейцев, он высказал предположение о том, что в 2000 году Россия будет походить на Западную Европу и что в существенных чертах социальный строй России окажется тот же, что у теперешних её соседей. И он был недалёк от истины.

И всё-таки европейцам слабо верилось в возможность такого прогресса. Мешало им в этом непосредственное знакомство с условиями русской жизни того времени. Ну что мог подумать о России европеец, прочитавший о впечатлениях эстонского писателя Эдуарда Вильде от поездки в Москву в 1896 году. Сначала, — сообщал Вильде, — он поехал в Ригу, и она удивила его

своей чистотой. Там он сел в поезд, идущий в Москву. Пока всё было нормально, и наивный эстонец подумал, что так он и доедет до Москвы. Но, проснувшись утром, когда поезд стоял в Двинске, он обнаружил, что вагон наполнен какими-то грязными и оборванными людьми с всклокоченными бородами, нечёсаными волосами. Люди эти валялись на скамейках, и под ними на грязном, заплёванном полу и по ним бегали какие-то чёрные насекомые. Эти люди были русские. Не доставило радости путешественнику и дальнейшее знакомство с Россией. Москва, как он заметил, тонула в страшной пыли и копоти. Мостовые её были скверны, а двери, коридоры и лестницы домов и гостиниц грязны до невозможности.

Такое впечатление Москва конца XIX века произвела, к сожалению, не на одного Вильде. И всё-таки в ней были свои неповторимые милые места и картинки, за которые мы любим и не можем не любить нашу столицу.

Глава первая

«МОСКВА НЕ СРАЗУ СТРОИЛАСЬ»

Ближайшее Подмосковье. — Дачная жизнь

Ближайшее Подмосковье

Мы нередко вздыхаем о прошлом. В этом нет ничего удивительного, ведь прошлое — часть нашей жизни, которую мы не в силах вернуть. В деревне Выхино насчитывалось когда-то 160 дворов, а рядом, в деревне Жулебино, — 60. Было время, когда кто-то жалел о том, что их не стало. Мы же тоскуем по старой Сретенке, Столешникову переулку — оживлённейшим, ещё так недавно, местам Москвы. Теперь их обновили и отстроили, но жизнь из них ушла, как покупатели из ГУМа после перестройки. Пустыми и одинокими смотрят витрины магазинов на редких прохожих, а возле прилавков томятся от скуки и безделья хорошенькие продавщицы и ленивые охранники.

Почти вся старая Москва исчезла на моих глазах. Исчезали дома, улицы, трамвайные рельсы. Школьные товарищи разъехались в разные концы города: Черёмушки, Кузьминки, Измайлово, Перово... В центре, где была наша школа, теперь никого и не встретишь.

Порой людям нашего поколения кажется, что до нас люди жили спокойно и город наш хранил старину. Увы, но это не совсем так. И тогда, в конце XIX — начале XX века, как и теперь, ломались дома, выгорали при пожарах целые кварталы, вырубались сады, сносились деревни, а на их месте возникали улицы. Видя всё это, члены тогдашнего Археологического общества предложили ввести порядок, при котором застройщик был бы обязан к ходатайству на предоставление участка под строительство прилагать фотографию современного его

вида, а ещё лучше, две фотографии. Одна бы хранилась при деле, а вторая — в Археологическом обществе. На обороте снимков можно было бы изложить некоторые важные сведения о снесённом здании или сооружении. К сожалению, этой прекрасной идее не суждено было воплотиться в жизнь, и нам остаётся разглядывать только открытки и отдельные снимки в газетах и журналах тех лет. А если учитывать, что для фотографирования Москвы в те годы требовалось специальное разрешение полиции, то можно себе представить, как много старых и утраченных московских видов до нас не дошло.

На счастье, существовала в Москве Забелинская библиотека, куда отправлялись фотографии известных в городе зданий, идущих под снос. Сюда, в эту библиотеку, попала, в частности, фотография каланчи, украшавшей некогда дом генерал-губернатора на Тверской. Когда-то на её верхней площадке целыми днями маячил дозорный, следящий за возникновением пожаров, а из ворот здания выбегали солдатики, чтобы отдать честь проезжему генералу. Дежурившему здесь караульному офицеру сам генерал-губернатор князь В. А. Долгоруков* ежедневно посылал обед и всегда беспокоился о том, чтобы не забыли захватить для него полбутылки хорошей мадеры. Князь был не только душевным, но и честным человеком. После его смерти многие говорили о том, что, прослужив генерал-губернатором более двадцати пяти лет, он не нажил себе никакого капитала и с чем пришёл на эту должность, с тем и ушёл, если не считать болезней и неприятностей. Каланча пережила его и была разобрана незадолго до Первой мировой войны.

Пожарная каланча была в городе совсем не лишней. Вообще пожары являлись одной из важнейших московских проблем. Вся надежда на спасение от огня возлагалась на пожарных. Ещё в 10-е годы XX столетия с грохотом и треском проносились на пожар по городу пожарные обозы (пожарных машин ещё не было). Каждая пожарная часть Москвы имела лошадей своей масти: иная вороных, иная белых, иная рыжих, иная се-

* Князь *Владимир Андреевич Долгоруков* (1810—1891) — московский генерал-губернатор с 1865 по 1891 год.

рых в яблоках. На специально обустроенных громадных телегах сидели пожарники с суровыми лицами. На них были надеты серые костюмы из грубого материала и медные каски. Их опоясывали верёвки с железными крючьями на концах, а за поясами торчали топоры. Один из пожарных при этом трубил в рог. Впереди обоза мчался на коне «разведчик», а за ним телега, наполненная разными инструментами и приспособлениями для тушения пожара. Приехав на пожар, пожарники приставляли к стене горящего дома раздвижную лестницу и взбирались по ней наверх с кишкой, как тогда говорили про пожарный шланг, в руке. В левой руке пожарника был кожаный щит, защищавший его от огня и искр. Пожарник поливал себя водой и влезал в окно, из которого валил дым. На крыше дома другие пожарные работали топорами (не зря пожарников называли «топорниками»). Они прорубали крышу, отдирая листы кровельного железа, и проникали внутрь дома. Пожарник должен был делать то, что приказывал ему начальник — брандмейстер, сколь ни опасно это было. Работа пожарника, постоянно связанная с риском для жизни, требовала немало воли и сноровки, а поэтому в пожарные принимали только тех, кто служил в армии. Пожарников город обеспечивал квартирой, одеждой и обувью и платил им ежемесячно по 20—25 рублей. Интересно было бы побывать в Москве в начале XIX века, до пожара 1812 года. Если верить очевидцам, то летом белые дома Москвы утопали в молодой зелени и ароматах цветущих черёмухи и сирени. Улицы вились неправильно и без всякой симметрии среди групп домов самого разнообразного стиля, скрытых в тени больших, широко раскинувшихся садов. Живописные уклоны почвы, не выровненные человеком, создавали в центре города кусочки пейзажей, украшенных церквушками разных форм и раскрасок ...

Да, такую Москву мы не увидим даже на фотографиях и не потому, что Москвы такой не существовало, а потому, что ещё не было фотографии. У нас остаётся одна возможность — вообразить её с чужих слов. Со слов Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина мы можем представить себе как в 30-е годы XIX века въезжали лю-

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление
6

Глава первая. «МОСКВА НЕ СРАЗУ СТРОИЛАСЬ»
Ближайшее Подмосковье. — Дачная жизнь
10

Глава вторая. МОСКВА, ПЕТЕРБУРГ И ПРОВИНЦИЯ
Провинциальная жизнь. — Москва и Петербург. — Особенности московской жизни. — Москва и Петербург (продолжение)
40

Глава третья. НАРОДНЫЕ ГУЛЯНЬЯ И ПРАЗДНИКИ
Пасха и катание на Масленицу. — Кулачные бои, блины, гулянья, балы и банкеты
66

Глава четвёртая. МОСКОВСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ
Чудеса, шарманщики, актёры. — Лентовский, Омон и другие. — Жизнь артистов эстрады. — Цензура
82

Глава пятая. ОТ ИЗВОЗЧИКА ДО ТРАМВАЯ
Извозчики. — Конка. — Трамвай, метро и автомобиль
136

Глава шестая. ГОРОД ПЫЛЬНЫЙ, ГОРОД ГРЯЗНЫЙ
Люди и город. — Канализация. — Электричество. — Бани. — Гробовщики и могильщики
164

Глава седьмая. МЕСТО РОЖДЕНИЯ — МОСКВА
Воспитательный дом. — Суета московской жизни. — Московское жильё. — Нищие
198

Глава восьмая. МОСКОВСКИЕ ЖИТЕЛИ
Типы и типчики. — Бродячие собаки. — Типы и типчики (продолжение). — Труженики города
231

Глава девятая. ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ
Страдальцы и садисты. — Мальчики. — Школьные годы. — Студенты
270

Глава десятая. ЖИЗНЬ ЖЕНЩИН
Любимые и бесправные. — Проститутки. — Купчихи и гадалки. — Моды
358

Глава одиннадцатая. ТОРГОВЛЯ
Товары, лавки, магазины. — Купцы и приказчики. — Рынки. — Булочные и кондитерские
407

Глава двенадцатая. ПИТЕЙНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ
Рестораны. — Трактиры и кабаки.— Борьба с пьянством
438

Глава тринадцатая. РАБЫ АЗАРТА
Бильярд. — Бега и скачки. — Карты
462

Глава четырнадцатая. ПОЛИЦЕЙСКИЕ И ВОРЫ
Преступники. — Блюстители порядка
478

Глава пятнадцатая. ЦЕРКОВЬ И ЖИЗНЬ
Наука или религия? — Монастырские будни. — Кто и за что критиковал и ругал церковь
534

Глава шестнадцатая. ОБЫВАТЕЛИ И ИНТЕЛЛИГЕНТЫ
Народ и монархия. — Коронация и Ходынка. — Антисемитизм и евреи. — Неизвестная русская литература. — Конец «мирного времени»
579

Андреевский Г. В.

А 65 Повседневная жизнь Москвы на рубеже XIX—XX веков / Георгий Андреевский. — 2-е изд. — М.: Молодая гвардия, 2022. — 644 с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 978-5-235-04569-9

Разнообразна и противоречива жизнь Москвы на рубеже XIX—XX веков. Уютная патриархальность московского быта взрывается здесь сапогами нового времени, неотвратимой тяжёлой поступью века электричества и металла, мировых войн и революционных потрясений.

Автор книги, привлекая обширнейший документальный материал, погружает читателя как в мирный неспешный ритм купеческой и мещанской Москвы конца XIX века, так и в предгрозовую атмосферу, которая ощущалась в Первопрестольной в начале века двадцатого. Со свойственной ему любовью к подробностям, которые и составляют суть повседневной жизни, Г. В. Андреевский, словно опытный гид, путешествует по лабиринту московских улочек, встречая на своём пути разных «типов и типчиков» — от обитателей московского дна до сильных мира сего, — время от времени обращаясь к более ранним событиям либо к годам своей молодости.

УДК 94(470-25)“654”
ББК 63.3(2-2Москва)53

знак информационной продукции **16+**

Андреевский Георгий Васильевич
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ МОСКВЫ
НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ

Редактор **И. В. Черников**
Художественный редактор **А. В. Никитин**
Технический редактор **М. П. Качурина**
Корректоры **Г. В. Платова, Т. В. Рахманина**

Подписано в печать с готовой электронной версии 21.04.2022. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Garamond». Усл. печ. л. 35,49. Тираж 500 экз.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: http://gvardiya.ru. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Отпечатано в АО «Т 8 Издательские Технологии» (АО «Т 8»)
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5

ISBN 978-5-235-04569-9